

ПОПУЛЯРЕН ЛИ СЕПАРАТИЗМ НА УКРАИНЕ?

Нет, не популярен. Казалось бы, это заключение явно противоречит результатам референдума, проведенного на Украине 1 декабря. И политики, и пресса упорно представляли подтверждение акта о независимости как голосование против Союза. Но иначе понимало это большинство населения Украины. Об этом свидетельствовали данные социологических опросов, проводимые по республике в целом, в отдельных регионах и городах.

В сентябре на вопрос «Согласны ли Вы с тем, чтобы Украина, будучи независимым государством, вошла в состав Союза суверенных государств на принципах конфедерации», 53 % опрошенных (данные представительны для республики в целом) выразили согласие, а 15 % ответили «скорее согласен». В этом же опросе 59 % опрошенных выразили поддержку Акта о независимости. Опрос проводился социологической службой Верховного Совета Украины, результаты его были опубликованы в газете «Голос Украины».

О том, что для большинства населения одобрение независимости не означало отрицание Союза, свидетельствуют и опросы, проведенные в различных регионах Украины. В середине ноября в Харькове, например, более 60 % высказались за независимость и половина из них одновременно считала, что Украина должна войти в содружество суверенных государств. Всего же за политический Союз в той или иной форме высказались 55 % харьковчан. Опрос, проведенный в Одессе за неделю до всеукраинского референдума, показал, что 60 % из тех, кто поддерживает Акт о независимости (83 % опрошенных), считает одновременно, что Украине следует войти в содружество равноправных суверенных государств. Вот почему недоумение вызвало сообщение ЦТ, сделанное накануне референдума о том, что более 80 % в Одессе за независимость и лишь остальные (имелись в виду те, кто высказывался против независимости) — за Союз.

Казалось бы, приведенные данные не говорят ни о чем ином, кроме как о противоречивости и непоследовательности сознания обывателя. Давно замечено, однако, что обыденное сознание отличается особым здравомыслием. Его противоречивость и непоследовательность выражают сложность и противоречивость самой действитель-

ности, коллизии реальной жизни, абсурдность которой порождает парадоксы повседневного сознания.

Пытаясь объяснить эти парадоксы, относительную устойчивость странного, на первый взгляд, сочетания устремленностей и к независимости и, к Союзу, можно привести следующие данные: если сравнивать результаты опросов, проводимых в течение марта—октября в Одессе и Одесской области, то оказывается, что число противников Союза в любой его форме («сепаратистов») среди населения уменьшилось. Тогда как у политиков (не только находящихся в оппозиции, но и у тех, что были у власти) сепаратистская тенденция нарастала. Это различие настроений «политиков» и «народа» особенно четко обнаруживается в послепутчевый период.

Антисепаратистские настроения населения в октябре—ноябре стабилизировались, а сепаратистские продолжали ослабевать. Одновременно значительно повысилось число поддерживающих Акт о независимости. Любопытно то, что повышение это (так же как и повышение доли предполагающих принять участие в референдуме) произошло в большей степени за счет сторонников нового Союза, чем за счет его противников. В конце сентября первые больше, чем вторые предпочитали не участвовать в референдуме. Большее (чем в ноябре) различие было и в количестве поддерживающих независимость среди сторонников Союза и его противников.

Трудно со всей определенностью сказать, что сыграло решающую роль в изменении установок сторонников Союза. Ясно лишь, что изменение это внесло значительный вклад в столь внушительную победу в отстаивании независимости Украины. Ясно и другое: были обстоятельства, которые породили надежду на преодоление сепаратистских тенденций в политике. Можно предположить, что важными в этом отношении акциями (приходящимися как раз на этот период) было парафирование договора о сотрудничестве в рамках экономического сообщества, а также принятие «Декларации прав национальностей Украины», в которой отмечалось, что «украинское государство обеспечивает своим гражданам право свободного пользования русским языком». Внес свой вклад в дело независимости и закон о гражданстве Украины, принятый 8 ноября 1991 г., в котором отвергались какие-либо ограничения (время проживания, владение языком и др.) для принятия гражданства.

Следует сказать, что культурно-языковой фактор был важной составляющей среди тех, которые определяли и отношение к неза-

висимости вообще, и к сепаратистской ее разновидности, в частности. Активизация борьбы за независимость Украины, характерная для последнего года (в ноябре 1990 г. Рух заявил, что независимость Украины становится основной целью движения), как известно, сопровождалась примитивными, нецивилизованными способами пробуждения национального самосознания, национального достоинства. Даже признание необходимости референдума по поводу независимости рассматривалось в национально-патриотических кругах как антиукраинская акция (как выразился один из таких патриотов, оскорбительно ставить «вопрос народу, рвущему рабские цепи, согласен ли он остаться в позорящих его оковах»).

Основная масса населения, в большинстве своем высказавшаяся за референдум, не разделяла этих тревог. Более того, в сознании значительной его части национальный психоз и русофобия связывались именно с сепаратизмом, с крайне отрицательным отношением к какому-либо Союзу, единому содружеству.

Стремление жить в Союзе существенным образом определялось тем, в какую культуру включена личность, какие культурные предпочтения для нее характерны. В доказательство этого можно привести и такого рода данные, содержащиеся, как говорят социологи, в «эмпирическом материале». Выяснилось, например, что голоса за Союз или против него (как об этом свидетельствуют результаты одного из опросов) обусловлены не столько национальностью и даже не столько тем, какой язык родной, на каком учился в школе, общается в семье и т. д., сколько тем, на каком языке предпочитает читать книги, журналы, слушать радио и ТВ.

И тот факт, что предпочитают читать книги и слушать передачи на русском языке, совсем не говорит о том, что приоритет отдают русской культуре. Просто русский язык в большей степени, чем украинский, давал возможность приобщиться к общей культуре, которая формировалась на пересечении различных этнических культур и представляла собой, в отличие от культуры «кантри», разновидность новой, «современной», называемой иногда «городской», культуры, характерной именно для нашей «советской» страны.

Я не буду выяснять здесь, почему эта культура была преимущественно русскоязычной, а также не буду давать ей оценку — в последнее время ее разносили и проклинали (справедливо и несправедливо) достаточно. Скажу лишь, что она, несомненно, была и есть, эта общая, «одна на всех» культура, и включенность в нее совсем не исклю-

чала любви и привязанности к народной украинской, русской или какой-либо еще культуре.

Сейчас, однако, необходимо осознать, чем объясняется удивительно стойкое пристрастие населения к Союзу: к новому ли Союзу — содружеству, вхождение в который приветствовалось практически во всех проводимых опросах, либо даже к тому «бывшему», казалось бы, совсем развенчанному «социалистическому Союзу», за который высказались на референдуме в марте.

Не только и столько экономические соображения (хотя это тоже имеет место), как мне кажется, питали антисепаратистские настроения значительной части населения Украины в декабре, сколько близость его к общей культуре, фактическая включенность в нее, обусловленная общностью судьбы и истории. (Этим, в частности, объясняется и «особая» позиция Западных областей Украины). Сознание обывателя, обеспокоенное повседневными невзгодами и трудностями, заблудилось в сложных лабиринтах политики, запуталось в хитросплетениях разных вариантов договоров, но цепко держит в памяти одно: желание «быть вместе». Желание это сочетается и с представлением о том, что приобретение государственности и самостоятельности на меньшей территории скорее обеспечит эффективность и порядок, которых так недоставало прежде. Вот это и есть тот «парадокс», который поначалу удивляет, но тем не менее имеет объяснение и основание в реальной жизни.

И еще о феномене первого украинского президента. Различные доводы приводятся для объяснения его избрания с первого раза при том, что в среднем в предвыборных опросах он редко набирал более 40 %. Пишут и говорят о поддержке его бывшей номенклатурой и о консервативности населения. Возможно, все это имело место. Важно и другое. Значительная часть населения вплоть до последних дней не могла окончательно определиться с выбором (в Одессе, например, за неделю до референдума таких было около половины) и выбирали по принципу «наименьшего зла». А таким злом значительная часть населения Украины (за исключением разве ее западных регионов и, возможно, центрального) считала сепаратизм, связанный с приоритетом национальной идеи и русофобией.

Именно этим, а не своей демократичностью, пугали популярные и даже более привлекательные в чисто человеческом, личном плане конкуренты Кравчука: опасались тех политических сил, которые стояли за ними, с их именами (не всегда справедливо) связывали на-

ционализм. С именем Кравчука же связывали предпринятые в ноябре акции (о которых речь шла выше) и реальную возможность этим силам противостоять.

Последующие действия Л. М. Кравчука (критикуемые украинскими сторонниками «стерильного суверенитета»), его участие в создании СНГ вроде бы свидетельствовали о том, что здравомыслие населения в какой-то степени оправдалось. Однако дальнейший ход событий позволяет усомниться не только в здравомыслии сограждан, но и в здравомыслии нашего президента. Иначе как отнестись к сообщению о том, что президент Украины пригласил русских немцев переселяться в Крым?

Ирина ПОПОВА,
профессор

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ... (ИЛИ КОЕ-ЧТО О НРАВСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ)

Многие мыслители XIX и начала XX вв. (назовем хотя бы такие имена, как Гегель, Ясперс, Вебер) с надеждой обращали свой взор к университетам, считая, что именно им принадлежит великая воспитательная роль в формировании гражданской и нравственной позиции молодежи. Естественно, воспитательная роль университетской среды — это прежде всего преподаватели, интеллигентность которых должна создавать атмосферу разумности, искания истины и умения отстаивать свои принципы, обеспечивающие твердость в этих поисках.

В свое время академик Д. С. Лихачев писал о неправильном представлении об интеллигенте как человеке слабом и нерешительном. Для иллюстрации своего понимания природы интеллигентности он (Лихачев) использовал образ Гамлета, подчеркивая, что Гамлет вовсе не слаб: «Он преисполнен чувства ответственности, он колеблется не по слабости, а потому что мыслит, потому что нравственно отвечает за свои поступки».

Интеллигентны ли мы в этом смысле? Отвечаем ли мы за свои поступки, когда колеблемся в своей оценке распоряжений и указаний, нисходящих свыше либо (что еще чаще бывает) когда принимаем их без всяких колебаний. Меня всегда терзала эта мысль: и когда рисовали бессмысленные «структурно-логические схемы» и выполняли глупейшие указания Минвуза УССР о «прямых замерах обученности студентов», и когда не смогли защитить своего ректора, ставшего неудобным вышестоящему начальству, и когда на партийном собрании открытым голосованием не поддержали позицию «Демократической платформы», будучи «в душе» с ней согласны.

Каждый раз подлинная интеллигентность и развитость чувства ответственности в наибольшей степени обнаруживается именно в условиях в той или иной степени экстремальных, требующих напряжения умственных и нравственных усилий. Но именно в этих условиях обнажается и наше убожество, нежелание и неумение стоять на высоте тех задач, которые приходится решать, проявляется безответ-

ственность нравственной позиции, определяемой принципом «Чего изволите».

Думаю, что именно это имел в виду В. Л. Скалкин, когда выразил неудовлетворенность докладом ректора, произнесенном перед профессорско-преподавательским составом 1 сентября. И удивил меня Александр Васильевич Гонтарь, который представил данную коллизию, имеющую глубокий гражданский и нравственный смысл, — как дилемму: «Чи опанують професори українську мову?» Конечно же, профессора тоже хотят есть и хотя бы ради этого они без особого труда овладеют украинским языком настолько, чтобы произнести написанный текст, заглядывая в конспект. Но если по совести? Если подойти к этому ответственно? Если уважать и себя, и слушающую тебя аудиторию? Если, наконец, подумать о том, приведет ли это к возрождению культуры украинского народа? И поднимет ли культуру молодого украинского государства на более высокий уровень? Ответы на эти вопросы могут быть только отрицательными. Зато с уверенностью можно сказать, что шансы у «перестроившегося» профессора пройти очередной конкурс повысятся. Но как же украинский народ и проблемы возрождения украинского языка и культуры? А так: все это необходимо делать умеючи, нужно не просто хотеть, но и уметь это делать. А умение предполагает знание законов формирования культуры, понимание механизмов взаимодействия языков, изучение реальной языковой и культурной ситуации.

Вот как раз В. Л. Скалкин, языковед высокой квалификации, специалист по переводу, понимает, какой вред может принести невежественная языковая политика. И как честный гражданин выражает свою озабоченность тем, что происходит (может быть, в форме слишком эмоциональной и излишне резкой). Но скажите, какое дело русскоязычному Скалкину до украинского языка? Оказывается, есть дело, есть тревога интеллигента за неграмотное решение этих чрезвычайно деликатных вопросов, и в решении их необходимо сотрудничество и русскоязычной интеллигенции.

Первые не могут игнорировать тот факт, что превратности формирования и развития украинского литературного языка и культуры в значительной степени обусловлены имперскими амбициями и периодическими запретами, которые вмешивались в естественный ход развития культуры украинского народа.

Подлинный интеллигент, известный русский мыслитель и российский патриот Георгий Федотов в своем эссе «Судьба империи» с

глубоким сочувствием и пониманием писал, что именно бессмысленные преследования украинского языка и литературы перенесли центр развития последних из Киева во Львов. Украинский литературный язык, как пишет он, «вырабатывался на основе галицийского наречия, а не полтавского или киевского, т. е. гораздо более далекого от великорусских говоров». Так получилось, что именно польский, а не русский язык для украинского языка стал источником новых «отвлеченных и научных словообразований». Запрет, таким образом, исходящий от вельможных представителей «великороссов», обернулся неожиданными для последних последствиями: «родной брат» (украинский язык), становясь на ноги (превращаясь из фольклорно-бытового в литературный), удалился от них. Поистине культурные процессы развиваются очень сложно и порой непредсказуемо.

С другой стороны, нужно иметь в виду (и это, конечно, понимают подлинные украиноязычные интеллигенты), что распространенность русскоязычия (особенно в городах) — не только результат насильственной русификации, но и продукт сложного взаимодействия и взаимовлияния близких языков и культур, механизмы которого (взаимодействия) не вполне ясны, и неправильно было бы их однозначно интерпретировать. Ведь дело не только, а подчас не столько в насилии. Оно, как уже отмечалось, приводит зачастую к результатам, которые не предполагались. Более того, истории известны случаи, когда завоеватели принимали язык и культуру завоеванных народов.

Что касается большевистского насилия, то была не только русификация, но и большевистская украинизация. После 1917 г. по меньшей мере дважды прокатывались по Украине волны украинизации, инспирированные сверху. (Это А. В. Гонтарю, как члену бывшей кафедры истории СССР, известно не меньше, чем мне.) Но они не привели к желаемым результатам, т. к. всякое форсированное «введение» языка и культуры без учета «места и времени» приводит к прямо противоположным последствиям.

Вот и сейчас опросы населения г. Одессы показывают, что с марта по август этого года сократилось количество людей, которые привержены национальной идее и которые на работе и в общественных местах предпочитали бы общаться на украинском языке. И чем больше мы будем шуметь, давить и заставлять людей поступать против их воли и желания, тем больше будем наталкиваться на сопротивление и противодействие. Таким образом, административное форсирование процессов, которые должны развиваться естественно, путем созда-

ния благоприятных условий для их развертывания, иначе как антиукраинской акцией не назовешь.

Во многих городах Украины в этом году (мне доподлинно, например, известно, что так было в Кривом Роге) требовали, чтобы вступительные сочинения в вуз писали только на украинском языке. От ректора одного из одесских вузов я узнала, что для одесских вузов такое решение отодвинули к следующему учебному году, когда оно непременно должно реализовываться. Но разве не ясно, что не только в Одессе, но и во многих других регионах Украины эта акция приведет к пагубным для развития науки и культуры молодого государства последствиям: «за бортом» окажется совсем не худшая, преимущественно городская часть молодежи, получившая, как правило, лучшую общую подготовку и имеющая более высокий уровень интеллектуального развития.

Что это — вредительство или просто невежество? Такие вопросы мы ведь часто задавали себе и раньше, но молчали. Так неужели промолчим и сейчас? Да и справедливо ли это по отношению к ребятам, которым позволено было вообще не изучать украинский язык? Это тоже была преступная акция, но пусть за нее отвечают не дети, а те, кто ее осуществлял! И вот результат: в марте 1992 г. лишь 18 % опрошенных учащихся области предпочитали общаться на работе и в общественных местах на украинском языке. (Поскольку опрос проводился с 18 лет, то это, надо полагать, студенты техникумов и вузов.) Но значит ли это, что результаты преступления следует ликвидировать преступными способами, которые только оттолкнут людей и встретят сопротивление, которые усилят напряженность нашей и так не простой жизни.

Глубоко уверена в следующем: преподавателей, которые могут читать лекции и вести занятия на хорошем литературном украинском языке, нужно всячески поощрять и поддерживать. Но нужно еще иметь студенческую аудиторию, которая желала бы слушать такие лекции и была хорошо подготовлена к их восприятию.

В настоящее время (и об этом говорят честные украинские интеллигенты, искренне озабоченные ситуацией) оптимальное решение — поощрение и создание благоприятных условий для реального двуязычия: в вузах должны быть и украинские, и русские потоки и группы. Школы (не только украинские, но и русские) должны обеспечивать хорошее знание украинского литературного языка, а для этого целесообразно, чтобы и в русских школах украиноведческие

предметы велись на украинском. В какой степени мы готовы к этому — какие необходимы материальные затраты, какова потребность в кадрах, каков объем той «аудитории», которая уже сейчас готова работать с нами на украинском языке? — известно ли это?

Но зачастую не просто не знаем, но не хотим это знать. Опрос абитуриентов, прошедших по конкурсу в университет в этом году, был сорван, т. к. республиканское радио, узнавшее об этом замысле, осудило его. Тысяча анкет лежат в сейфе у ректора, который оперативно прореагировал на невежественный окрик, и проблема организации украинских групп решалась на факультетах путем поднятия руки. Информацию более серьезную, свидетельствующую о масштабах усилий, которые следует затратить университету в целом и разным его подразделениям, можно было бы получить к 10 августа, когда еще было время на то, чтобы хорошо подготовиться к началу учебного года.

Что касается Одесского университета, то и в перспективе, по моему глубокому убеждению, он должен остаться преимущественно русским университетом, центром развития на Украине русской культуры. Думаю, что ничего оскорбительного для украинского народа в этом нет. Такое решение естественно, если учесть языковую и культурную традицию региона, его историю, научные и культурные традиции Одесского (бывшего Новороссийского) университета. Если исходить, наконец, из Закона о языке и Декларации прав национальностей. Ведь не страдает же большой украинский народ с его великим историческим прошлым комплексом неполноценности. А раз так, то он может себе позволить такую щедрость, как существование на своей земле (где проживают 17 млн русскоязычных) 2–3-х русских университетов. Это было бы и справедливо, и полезно для всех граждан Украины. Но все желающие обучаться в Одесском университете на украинском языке должны иметь такую возможность. В перспективе целесообразна организация по некоторым специальностям молдавских групп, т. к. Одесская область находится на первом месте в Украине по числу проживающих здесь молдаван. Для того чтобы сохранить лицо нашего университета и отстоять право поступить разумно и в соответствии со своей совестью, мы и должны проявить свою подлинную интеллигентность, противостоять воинствующему невежеству и безграмотности. Но мы молчим, когда молчать нельзя. Я вспоминаю, например, одно из обсуждений этих проблем, которое было организовано городским обществом «Мемориал». Мне трудно

понять, почему присутствующий на обсуждении проф. Е. Н. Присовский (зав. кафедрой украинской литературы нашего университета) не счел нужным ответить «защитникам» украинства, несущим несусветную чушь и об украинцах, и об украинском языке. Протест против явного искажения исторических данных и безграмотности, а также отпор откровенно хулиганским, хамским выходкам — это почему-то делали русскоязычные интеллигенты, а «украиноязычные» отмалчивались. Думается, что поддержка «русскоязычных» в данном случае была бы лучшей защитой украинской культуры и достоинства украинского народа. Мне трудно понять, почему А. А. Жабoryюк, еще год назад выразивший осуждение инструкции Минвуза УССР о повсеместном переводе преподавания в ВУЗах на украинский язык, не счел возможным выразить публично свое мнение. А ведь мы знаем Анатолия Андреевича как человека, умеющего отстаивать свои концепции. Что же заставляет его молчать сейчас? Ведь подлинный интеллигент не может не чувствовать грозящую культуре опасность.

Трагедия в том, что наше молодое государство несет на себе печать бывшего тоталитарного и сильно идеологизированного общества. И язык, языковое и культурное развитие, за неимением другого идеологического средства, становятся сейчас основным способом давления, культивирования послушания и лояльности. Вот и спешат проходимцы и карьеристы взять под козырек, продемонстрировать свое рвение. Можно предсказать, что рвение в этом направлении будет возрастать по мере того, как мы будем нищать и ослабевать экономически. Тогда как на самом деле только здоровая экономика и развитое хозяйство создадут базу для подъема и возрождения культуры украинского народа, формирования современной украинской культуры, которая была бы на уровне лучших образцов мировой культуры. Но нужны и наши собственные усилия, усилия интеллигенции, основанные на знании и понимании реальной ситуации, уважении к человеческому достоинству и правам личности.

*Ирина ПОПОВА,
профессор ОГУ*

КАКУЮ СТРАНУ МЫ ВЫБРАЛИ? (РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ)

ИТАК, ВЫБОРЫ СОСТОЯЛИСЬ, и мы вроде бы однозначно можем ответить на вопрос, поставленный в заголовке. Тем более, что оптимистическая определенность — преобладающая тональность печатных и телевизионных материалов. Газетный оптимизм — естественное продолжение той кампании, которая проводилась перед выборами. Тогда на нас всех буквально обрушились «аргументы», «выводы», «призывы», которые внушали одну мысль: мы обречены на выбор между однозначно хорошим капитализмом (с эффективной экономикой, высоким уровнем жизни, многообразными формами социальной защиты и демократическим устройством общества) и неоспоримо плохим социализмом (с низкой производительностью труда и низким уровнем жизни, бесхозяйственностью, всеохватывающим дефицитом, произволом властей и тотальным политическим насилием). Не менее определенно характеризовались и средства перехода к тому и другому, возможные в наших условиях: в первом случае — относительная стабильность и согласие, приводящие к постепенному и неуклонному процветанию, во втором случае — репрессии, раздоры и кровопролитие, опасность гражданской войны и, в конечном счете, окончательный развал экономики и масштабные гуманитарные катастрофы.

Непонятно, что в таком ограничении наших возможностей преобладало — невежество или элементарная нечестность, сопутствующая стремлению «запрограммировать» нас, лишить возможности размышлять и оценивать происходящее. Известно ведь, что палитра красок, с помощью которых можно нарисовать картину многообразия существующих в настоящее время обществ и, в частности, тех, которые принципиально возможны, и для нашей страны, значительно богаче, а желаемое или реально существующее общество порой невозможно охарактеризовать посредством известных «измов». Не случайно в повседневном сознании наших соотечественников, как свидетельствуют многочисленные опросы, не популярны ни идея социализма, ни идея капитализма. Представители общественной

мысли Запада также обращают внимание на то, что противоположность «капитализм — социализм» для большинства людей, живущих в Западном мире, ушла в прошлое, а реальные устремления связаны скорее с тем, что именуют «социальным рыночным хозяйством». Что касается использования терминов «капитализм» и «социализм», то, как правило, речь идет о различных формах того и другого. Так, украинский социолог Е. Суименко предложил такую их классификацию: классический капитализм, государственный социализм, социализированный капитализм (Япония, Швеция), капитализированный социализм (Китай, Беларусь). Возможны и другие классификации и, в частности, выделение в особую форму латиноамериканской модели капитализма с его крайней социальной поляризацией, коррумпированностью власти и чиновников всех уровней. Не к такому ли обществу мы стремительно движемся?

ЛЮБУЮ КЛАССИФИКАЦИЮ не следует абсолютизировать, как не следует однозначно связывать ту или иную форму с определенными политическими силами. Куда, например, отнести Францию, в которой 54 % валового внутреннего продукта (ВВП) расходуется при непосредственном участии государственных структур, а 10 % ВВП тратится на здравоохранение? Страну, где государственное образование характеризуется высоким качеством и высокой степенью доступности? За последние десятилетия там менее всего (в сравнении с США, Англией и Германией) создано рабочих мест именно в частном секторе, а производительность труда, являющаяся самой высокой среди развитых стран мира, растёт быстрыми темпами. Можно привести еще множество других примеров, свидетельствующих о многообразии форм и стратегий социально-экономического развития, их сложной и порой противоречивой связи с различными политическими режимами.

Что же хотели мы, разрушая государственный социализм и провозглашая реформы и «рыночную экономику»? Основополагающая цель реформирования, которая, во-первых, отвечала интересам широких масс населения, а во-вторых, была решающим мотивом преобразований на всех его этапах (и тогда, когда от социализма еще не отказывались), состояла в формировании новой трудовой мотивации («чувства хозяина»), заинтересованности человека в труде. По крайней мере, так она формулировалась у идеологов реформирования. И так была воспринята той частью населения, которая поддержала реформы. Другие провозглашенные цели (преодоление огосударствления,

создание частного сектора, замена административно-командной системы управления, тормозившей развитие экономики, демократическим управлением, максимально способствующим проявлению инициативы и реализации способностей) выступали как средства достижения первой цели. Но именно к этой цели мы не только не приблизились за годы нашего «реформирования», но еще больше отделились от нее. Можно привести многочисленные результаты социологических исследований, которые свидетельствуют об этом (и которые, к счастью, не сводятся к предвыборным опросам).

Результаты изучения бюджетов рабочего времени, например, проведенного на предприятиях с различными формами собственности (государственными, акционерными, арендными, частными), показали, что в целом эффективность труда за годы реформирования не повысилась, а снизилась. И это не только экономическое, но и социальное следствие избранной стратегии реформирования. К числу других отрицательных социальных следствий реформирования, обнаруживаемых в социологических исследованиях, относятся ухудшение использования свободного времени у работающего населения, увеличение значения дополнительного оплачиваемого труда (как средства увеличения заработка либо как способа обеспечения прожиточного минимума), чрезмерная социальная поляризация, подавляющая экономическую активность и парализующая любую социальную активность населения, чрезвычайное упрощение социальной структуры общества, характерное лишь для некоторых стран Африки, Азии или Латинской Америки. Это упрощение состоит в чрезмерном обеднении «репертуара» рабочих мест, которые дают возможность нашим соотечественникам проявить свой профессионализм и квалификацию и, соответственно, обеспечивают необходимые средства существования.

ЗДРАВЫЕ ОЦЕНКИ происходящих на постсоветском пространстве процессов содержатся и в западных социологических журналах, в которых, в частности, критикуются неолиберальные иллюзии и догматическое отношение к советам «отцов шоковой терапии». Приведу одну из характеристик постсоветского реформирования, содержащуюся в «Американском социологическом журнале» (№ 5, 1997 год): «С одной точки зрения, шоковая терапия имела несомненный успех — с точки зрения международного капитала: были сняты барьеры, которые мешали проникновению в постсоветские страны дешевых иностранных товаров. Таким образом стимулировались со-

временные образцы распределения и потребления, тогда как современные способы производства были практически ликвидированы — «классическая формула для стран третьего мира».

Стратегии либерального реформирования, как свидетельствует опыт не только стран, осуществляющих реформирование в связи с распадом Советского Союза, но и тех, которые проводили радикальные социальные реформы в послевоенный период, бесконечно многообразны. Единые рецепты в данном случае неприемлемы, догматизм оборачивается тяжелыми, порой непоправимыми последствиями для реформируемых стран. Немаловажное значение имеет и необходимость учета следующего обстоятельства: во главе либеральных реформ, как свидетельствует опыт послевоенного реформирования, могут оказаться самые различные политические силы, начиная от консерваторов и кончая радикально-социалистическими. И то, что именно эта, а не другая политическая сила оказывается способной в данных конкретных условиях осуществить целесообразную и эффективную стратегию либерального реформирования, определяется очень многими факторами, которые должны быть приняты во внимание.

Аналитики, характеризующие процессы реформирования, происходящие в послевоенный период, обращают внимание и на ту существенную роль, которую играет в данном случае взвешенная социальная политика. На важность последней указывают не только лидеры радикально-левых партий, оказывающихся во главе реформирования, но и вполне умеренные политики-реформаторы. Разумная социальная политика, обязывающая властные структуры обеспечивать по меньшей мере минимальные человеческие потребности, является не только гуманной, но и наиболее конструктивной, способствующей успешности проведения реформ. Образно эта мысль представлена в лозунге, провозглашенном французским политиком Л. Жюстенном: «Рыночной экономике — да, рыночному обществу — нет!»

АМЕРИКАНСКИЙ СОЦИОЛОГ В. Шляпентох в своей статье «Равенство и справедливость в России и США», помещенной в российском «Социологическом журнале», показывая, что проблемы социальной справедливости и в США находятся в поле зрения и решаются как проблемы удовлетворения минимальных потребностей, пишет следующее: «По сути дела, советская система обеспечивала более или менее полно то же равенство по минимальным потребностям. Невозможно было уволить человека с работы, выселить семью

из квартиры. Признавалось право (хотя реализуемое иногда в течение многих лет) на жилье, общедоступными были образование, медицина, большинство культурных учреждений, отдых в специальных домах, не говоря уже о детском отдыхе. Советская система распределения благ была очень близка по духу системе распределения в западном мире. Вот почему всякое отступление от неё в сторону отказа от «социальных гарантий» есть отступление не от советского социализма, а от современного западного общества. Это не движение вперед, а откат назад». В. Шляпентох показывает также, что постсоветские реформаторы оказываются сторонниками лишь одной разновидности либеральной идеологии (либертарианства), которое не популярно в настоящее время ни в США, ни тем более в Западной Европе. В статье очень образно характеризуется своеобразная «перевернутость» нашего социального мира, состоящая в том, что фактический эгалитаризм молодых большевиков 20-х годов обернулся фанатической убежденностью их внуков-реформаторов в том, что ничем не ограниченное социальное неравенство является неперенным условием экономического и социального прогресса.

Оценивая наше будущее, за которое голосовали, мы не должны полагаться ни на какие «ярлыки», «названия», которые зачастую мешают нам понять то, что за ними скрывается. Как свидетельствует исторический опыт, «реформаторство» совсем не обязательно благо, а принадлежность к коммунистической партии, как это уже поняли многие из нас, — не свидетельство способности защищать интересы народа. Мы ведь знаем, что именно руководящий состав бывшей коммунистической партии оказался у власти, которая допустила потерю тех социальных благ, которые имелись у наших соотечественников. Точно так же нельзя судить о новой компартии или о различных социалистических партиях (а их несколько в нашей стране) по их названию. Другие конкретно-исторические и социальные условия, разумеется, должны обусловить и изменение программ деятельности партий, как и осознание того, что решение проблем социальной справедливости, приоритет которой провозглашается, предполагает наличие соответствующих ресурсов, а следовательно, создание, прежде всего, эффективной экономики — именно об этом свидетельствует опыт всего цивилизованного мира.

ИТАК, НЕ БУДЕМ спешить с оценкой того, какое будущее мы выбрали. Будем постоянно напоминать находящимся у власти людям, которым мы доверили это будущее, не только о нашей, но и об

их ответственности за этот наш выбор. При этом следует помнить, что степень ответственности того или иного лидера определяется степенью реализации тех возможностей, которые он имел. Существуют вполне объективные экономические и социальные показатели, позволяющие оценить дела политиков, находящихся у власти, определить по меньшей мере преобладающую тенденцию, направление, по которому нас ведут. Ведь дело не только в том, хватило ли не хватило времени, но и в том, на каком пути мы уже стоим. И средства различных наук и, в частности, социологии вполне могут ответить на вопрос, что собой представляет этот путь. Было бы лишь желание это знать.

А если учитывать, что существует не два пути (хороший капитализм и плохой социализм), а значительно больше (и, в частности, олигархический, коррумпированный капитализм), то не следует бояться изменения пути в будущем. Так, один из серьезнейших факторов, определяющих в настоящее время ваше будущее развитие — способность правящей политической силы противостоять чиновничьей коррупции, предпосылки которой были заложены еще в 70–80-е годы при непосредственном участии бывшей номенклатуры. Значительная ее часть, находясь у власти в нынешних условиях, лишь укрепила свои позиции и определила характер и содержание нашего реформирования. В этом смысле наше прошлое присутствует в настоящем. Но не от всякого прошлого следует отказываться. Нельзя прийти к лучшему будущему, забыв то, что было хорошо в прошлом. Думаю, что результаты выборов, с одной стороны, показали (и это подтверждается данными многочисленных социологических исследований), что наши соотечественники, несмотря на все «гримасы» наших реформ, все же за реформирование, за создание условий, обеспечивающих свободу и проявление инициативы (по крайней мере в будущем). С другой стороны, бесперспективно и даже преступно не понимать, что отдавшие свой голос за лидера компартии голосовали не за репрессии, кровопролитие и голодомор, а за те социальные гарантии, которых все мы, наши дети и внуки лишены. Надеюсь, что это уже понято и осмыслено теми, кто одержал победу на выборах.

Ирина ПОПОВА,
профессор кафедры социологии ОГУ